

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ: ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

В. П. Смирнов

В блестящем созвездии выдающихся историков особое место занимают те, чьи труды определяют направление развития науки, устанавливают ее уровень, задают тон, диктуют моду. К их числу, несомненно, принадлежит Фернан Бродель – академик Французской академии, член-корреспондент 10 зарубежных академий, почетный доктор 18 университетов, основатель «геоистории» и «глобальной истории», один из основоположников «новой исторической науки», положившей начало современной «историографической революции».

Труды Броделя переведены на все основные языки, его имя вошло в энциклопедии¹, его идеи вдохновляли многих историков. В США создан специальный «Броделевский центр», который более 20 лет издает журнал, освещающий исторические проблемы в духе концепций Броделя².

О Броделе много написано, в том числе и на русском языке³; появилась его подробная объемистая биография⁴, но все же лучше всего о своем ста-

---

¹ См., например: Grand Larousse. 5 vol. T. 1. P., 1987; Brockhaus enzyklopadie in Vierandzwanzig Banden. Dritten Band. BED-BRN. Mannheim, 1987; The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 2. L., 1988; Who's Who in the World. 7th ed. 1984–1985. Chicago, 1985.

² Review. A journal of the Fernand Braudel Center for the study of Economies, Historical Systems and Civilizations. N.Y., 1977

³ См., например: *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. М., 1980; Он же. Вчера и сегодня французской «новой исторической науки» // ВИ. 1984. № 8; Он же. Фернан Бродель и его видение истории // НиНИ. 1985. № 5 (В переработанном виде опубликована в качестве вступительной статьи к книге *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986); *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; *Далин В. М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981; *Соколова М. Н.* Современная французская историография. М., 1979; Она же. Историческая теория Фернана Броделя // ФЕ. 1972. М., 1974.

⁴ *Daix P.* Braudel. P., 1995.

новлении историка рассказал сам Бродель в статье, появившейся в 1972 г. в США⁵, и через 12 лет опубликованной на русском языке⁶.

Не претендуя на сколько-нибудь подробный анализ трудов Броделя, остановимся на основных вехах его жизненного пути⁶.

Фернан Бродель родился 24 августа 1902 г. в небольшой деревушке Люмевиль-ан-Орнуа, в Лотарингии, почти на границе с Германией, где его родители обычно проводили летние месяцы. Отец Броделя преподавал математику в одной из парижских школ, дед по отцу был крестьянином, затем – солдатом, а потом – сапожником. Мать – уроженка южной Франции, вела домашнее хозяйство. Детство Фернана и его старшего брата прошло в деревне, где будущий историк, по словам его жены, «жил как настоящий сын крестьянина»⁷. За детьми присматривала бабушка по отцовской линии – Эмилия Корно, которую Бродель горячо любил, называл светом своего детства и посвятил ей свою последнюю крупную работу под названием «Что такое Франция?». Впечатления деревенской жизни: окружающая природа, старые деревенские дома (дом Броделей был построен в 1806 г.), старинные церковь и мельница, соседи – крестьяне, которых он хорошо знал, их образ жизни, постоянно возобновляющаяся череда сельских работ – навсегда остались в его памяти. «Думаю, что для моего становления как историка этот долгий и неоднократно возобновлявшийся опыт сельской жизни имел немалое значение. То, что другие узнавали из книг, я знал с самого начала, почерпнув это прямо из жизни», – вспоминал Бродель, называя себя «историком с крестьянскими корнями»⁸. Граничившая с Германией Лотарингия, где многие жители говорили по-немецки, по словам Броделя, была «полна воспоминаний о былых войнах, еще ребенком я вместе с членами моей семьи побывал рядом с Наполеоном в битве под Аустерлицем и при переправе через Березину»⁹.

В 1909 г. Бродель поступил в начальную школу в парижском предместье Мериель, где его соучеником был будущий знаменитый киноактер Жан Габен, а затем в лицей Вольтера в Париже. Учеба давалась ему легко: по его собственным словам, он «обожал историю», обладал редкостной памятью, с детства, как уроженец Лотарингии, говорил по-немецки, любил латынь и

---

⁵ Braudel F. Personal Testimony // Journal of Modern History. 1972, № 4.

⁶ Бродель Ф. Свидетельство историка // ФЕ. 1982. М., 1984.

⁶ Автор благодарит учеников и сотрудников Ф. Броделя профессора М. Ферро и профессора М. Эмара, любезно согласившихся ответить на его вопросы.

⁷ Braudel P. Les origines intellectuelles de Fernand Braudel: un témoignage // Annales. E.S.C. 1992. № 1. P. 239.

⁸ Бродель Ф. Свидетельство историка. С. 174.

⁹ Там же.

греческий, писал стихи¹⁰, одно время даже брал уроки русского языка¹¹ и, благодаря полученной от отца подготовке, преуспевал в математике.

После окончания лицея Бродель хотел учиться медицине, но отец настаивал на поступлении в Политехническую школу, чтобы сын стал инженером. В конце концов, дело кончилось компромиссом: Бродель без особого желания поступил на Гуманитарный (des Lettres) факультет Парижского университета, в знаменитую Сорбонну, где стал изучать историю¹². «Как и всех левых студентов того времени», его привлекала революция XVIII в.¹³ Дипломная работа Броделя «Начало революции в Бар-ле-Дюк» была посвящена революционным событиям в самом близком к его родной деревне небольшом городке Бар-ле-Дюк.

Окончив университет, Бродель совсем еще молодым 20-летним человеком сдал очень сложные, требовавшие длительной зубрежки экзамены на высокоценное во Франции звание «агреже», обладатель которого получал право преподавать в старших классах лицея и даже на некоторых факультетах университетов. «Агреже» были немногочисленны, им хорошо платили и по своему положению они приближались к преподавателям высшей школы. Бродель хотел стать учителем истории в лицее Бар-ле-Дюк, в родной ему Лотарингии, но администрация лицея предпочла другого кандидата, и тогда Бродель резко изменил свои планы и отправился на работу в Алжир, в лицей города Константины, а затем и в лицей столицы Алжира.

Официально Алжир считался тогда заморской частью Франции; его прибрежные города были населены в основном французами, но в действительности это была совсем другая, не похожая на Францию африканская страна. Бродель впервые увидел и страстно полюбил Средиземное море, горячее южное солнце, нарядные приморские города Алжира. «Это был подарок богов... Я начал жить»¹⁴, – говорил он.

Бродель с головой погрузился в работу, быстро приобрел известность как блестящий лектор, выступавший, к удивлению окружающих, без записок и конспектов, подружился со своими учениками, объездил верхом на лошадях и на верблюдах горы и пустыни Алжира. Он с удовольствием преподавал – разумеется, в духе господствовавшей тогда «событийной» или «позитивистской» истории¹⁵, приверженцы которой видели свою главную задачу в возможно более точном, основанном на архивных документах рассказе о событиях, по преимуществу, политической, дипломатической и военной истории.

---

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ *Daix P.* Op. cit. P. 30.

¹² *Braudel P.* Op. cit., p. 239.

¹³ *Бродель Ф.* Свидетельство историка. С. 175.

¹⁴ *Daix P.* Op. cit. P. 50.

¹⁵ *Бродель Ф.* Свидетельство историка. С. 175.

Противники «событийной» истории, осуждавшие примитивную «историю-рассказ», считавшие, что историк должен не только рассказывать, но ставить и решать проблемы, изучать не только политические, но и социально-экономические вопросы, обращаться не только к далекому прошлому, но и к современности, были тогда еще очень немногочисленными.

Бродель провел в Алжире почти 10 лет, и это дало ему возможность, по его собственному выражению, увидеть Францию «наизнанку», взглянуть на нее с другой стороны Средиземного моря, почувствовать, что его родная страна – лишь небольшая часть огромного и разнообразного мира, а ее история – часть мировых глобальных процессов. «Думаю, что эти картины, это Средиземноморье, увиденное как бы «с другого берега», оказали большое влияние на мои исторические воззрения»¹⁶, – свидетельствовал Бродель.

Он начал выступать в научной печати со статьями и рецензиями по истории разных стран Средиземноморья, мечтал об университетской карьере, но для этого нужно было защитить в Сорбонне докторскую диссертацию. Требования к ней были очень высокими. Диссертация на соискание ученой степени доктора гуманитарных наук должна была представлять собой исчерпывающее, фундаментальное, обязательно основанное на архивных документах детальное исследование какого-либо события или исторического периода. Ее объем обычно превышал тысячу страниц, порой составляя несколько томов. Кроме того, требовалось представить еще «дополнительную диссертацию» меньшего объема по смежным сюжетам, чаще всего по историографии или источниковедению. Заветная мечта, но и тяжелое ярмо начинающих историков, диссертация требовала, по меньшей мере, десятка лет напряженного труда, но зато открывала путь к званию профессора университета, которое считалось вершиной научной карьеры.

Сначала Бродель думал заняться историей соседней Германии, но будучи, по его собственному выражению, «французом до мозга костей», усомнился, что может быть объективным, и обратился к истории Испании, которой он уже немного занимался. Он «шутя выучил испанский язык»¹⁷, и в 1928 г., подобно другим честолюбивым «агреже», представил на утверждение в Сорбонну тему будущей диссертации: «Филипп II и испанская политика в Средиземноморье с 1559 по 1574 гг.» Это была классическая для «событийной» истории внешнеполитическая тема, и она не встретила никаких возражений в Сорбонне, которая являлась главной цитаделью «позитивистской» историографии. В течение нескольких последующих лет Бродель со свойственной ему энергией и настойчивостью в свободное от преподавания время, в летние каникулы работал в архивах Франции, Ис-

---

¹⁶ Бродель Ф. Свидетельство историка. С. 176.

¹⁷ Там же.

пании, Италии, Югославии, отыскивая нужные ему документы. Ему помогала жена, его бывшая ученица, научившаяся читать неразборчивые средневековые манускрипты. К немалому изумлению своих коллег, Бродель обзавелся фотоаппаратом и фотографировал документы, тогда как другие историки переписывали их от руки. За день Бродель ухитрялся сделать две-три тысячи кадров, а потом читал их с помощью проекционного аппарата¹⁸.

Бродель очень любил работу в архивах и сохранил эту любовь до конца своих дней. Само чтение еще никем не виданных со времени их составления архивных документов доставляло ему подлинное наслаждение. «Помню, в какой восторг я пришел, обнаружив в 1934 г. в Дубровнике (бывшей Рагузе – В.С.) великолепные рагузские реестры: наконец-то передо мной были сведения о кораблях, фрахте, товарах, страховке, торговых перевозках. Впервые я увидел воочию Средиземное море XVI века»¹⁹, – писал Бродель. Его очень интересовали торговля, цены, деятельность купечества, морские перевозки, вообще история экономики. Он ощущал, что географические условия, экономическое развитие, способ производства и обмена, образ жизни и другие длительно действующие факторы сильнее влияют на историю, чем хитросплетения дипломатии и политики. Бродель начал читать труды экономистов, в том числе Маркса, и основанный в 1929 г. М. Блоком и Л. Февром журнал «Анналы экономической и социальной истории», который резко выступал против позитивистской историографии, призывал обратить особое внимание на изучение социально-экономических проблем и обогатить историю другими «науками о человеке». «Анналы» первого поколения (поколения Блока и Февра) были живым, задиристым, боевым, но еще мало влиятельным журналом. По оценке Броделя, у них насчитывалось не больше 300–400 читателей во Франции и около 100 в Италии.

Постепенно Бродель стал испытывать растущие сомнения относительно темы своей диссертации. «Филипп II привлекал меня все меньше и меньше, а Средиземноморье – все больше и больше»²⁰. В конце концов, «где-то между 1927 и 1933 годами» его решение созрело; он «избрал Средиземноморье»²¹.

В 1932 г. Бродель вернулся во Францию, преподавал в одном из лучших лицеев Парижа – лицее Кондорсе, а затем в еще более известном лицее Генриха IV, но проработал там недолго. В 1935 г. ему предложили поехать в Бразилию преподавать в только что созданном Университете города Сан-Пауло, и Бродель немедленно согласился.

---

¹⁸ Бродель Ф. Свидетельство историка. С. 177.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

В Бразилии Бродель провел 3 года. По его словам, «там оказались поистине райские условия для работы и размышления»²². Бродель с большим успехом преподавал, много ездил по стране, очень много читал и работал над привезенными из Франции выписками и фотокопиями из архивов, ящики с которыми заняли целую комнату. Бразилия позволила ему вновь – но в еще более широком масштабе, чем в Алжире, – взглянуть на Францию «наизнанку» – с другого континента, где жили испанцы, португальцы, индейцы и многие другие национальности, где сталкивалась европейская и местная индейская культура, где местами еще сохранялись напоминавшие средневековые формы землевладения, землепользования и социального контроля. У него было «впечатление путешествия в прошлое, как если бы он мог видеть и воображать вчерашнюю Европу через Бразилию первой половины XX века»²³. Он наглядно видел, как сосуществуют разные цивилизации – проблема, которая впоследствии заняла центральное место в его последующих научных изысканиях. Как отмечал сам Бродель, «именно Бразилия позволила мне прийти к той концепции истории, которой у меня не было бы, если бы я оставался в пределах Средиземноморья»²⁴.

Очень большую роль в научной эволюции Броделя и во всей его последующей жизни сыграла встреча с одним из основателей «Анналов экономической и социальной истории» Люсьеном Февром – крупным историком и организатором науки, непримиримым противником «событийной», позитивистской историографии. В 1932–1933 гг. Бродель несколько раз встречался с Февром в Париже, но более длительное знакомство, которое перешло в дружбу, произошло в октябре 1937 г. на пароходе, которым Бродель возвращался во Францию из Бразилии, а Февр – из Аргентины. Путешествие длилось 20 дней, и, по словам Броделя, «для Люсьена Февра, моей жены и меня самого эти двадцать дней плавания стали двадцатью днями смеха и болтовни. Именно с тех пор я стал не просто другом и коллегой Люсьена Февра, но почти что его сыном: его дом в Суже (Юра) стал моим домом, а его дети – моими детьми»²⁵.

Февр был старше Броделя на 24 года, относился к нему как к сыну и талантливому молодому единомышленнику.

Вернувшись из Бразилии, Бродель начал преподавать в основанной в 1868 г. Практической школе высших исследований, своеобразном и пользовавшемся высокой репутацией учебно-научном учреждении, которое не имело права присуждать ученые степени и звания, но зато и не требовало их от своих сотрудников.

---

²² Там же.

²³ Braudel P. Op. cit. P. 241.

²⁴ Бродель Ф. Свидетельство историка. С. 177.

²⁵ Там же. С. 178.

Перечитав и приведя в систему свои многочисленные архивные материалы, Бродель летом 1939 г. в загородном доме Февра в местечке Суже принялся писать свою диссертацию²⁶. Работал он недолго. Осенью 1939 г. началась вторая мировая война, лейтенант запаса Бродель был мобилизован и отправился на фронт. Он служил в артиллерии, участвовал в боях, а летом 1940 г. – уже после подписания перемирия – попал в плен вместе с остатками своей воинской части.

В плену Бродель провел 5 долгих лет – сначала в лагере для военнопленных офицеров в Майнце, затем, с 1942 г., – в лагере особого режима в Любеке. Немецкий лагерь для офицеров, взятых в плен на Западном фронте, сильно отличался от тех страшных лагерей, где содержались советские военнопленные. Пленные французские офицеры жили в бывших немецких казармах по несколько человек в комнате. Их не били, не морили голодом, не заставляли работать. Можно было читать, писать, переписываться с оставшимися во Франции родственниками, получать от них и от Красного креста продовольственные посылки²⁷. В Майнце военнопленные даже организовали своеобразный «университет», где наиболее подготовленные из них, в том числе и Бродель, читали лекции по своим специальностям. Броделя, с детства владевшего немецким языком, избрали «ректором» этого «университета»; охранники обращались к нему «Господин Ректор» и разрешали пользоваться книгами из библиотеки Майнцкого университета.²⁸

В таких условиях Бродель решил работать над диссертацией. Опираясь на свою колоссальную память и книги из немецких библиотек, он почти каждый день с 5 утра до 10 вечера писал свою диссертацию в школьных тетрадях и отсылал их Февру, от которого получал советы, новые книги, а иногда и перепечатанный на машинке текст для последующего редактирования. Бродель был невероятно работоспособен. Он говорил, что мог написать 30, 40 и даже 50 страниц в день²⁹. К январю 1941 г. он уже написал 1600 страниц (в среднем по 330 страниц в месяц)³⁰ и думал, что диссертация закончена, но оказалось, что это был только первый вариант, который потом переделывался еще три раза.

По словам Броделя, именно в это время окончательно определилось его представление об истории – отчасти как результат размышлений об исторической судьбе Средиземноморья, а «отчасти как единственно возможная реакция на то трагическое время, в которое я жил. Мне надо было отбросить, – объяснял он, – отвергнуть, перешагнуть через все те события, сообщения о которых обрушивали на наши головы радио и пресса противни-

---

²⁶ Braudel P. Op. cit. P. 242.

²⁷ Daix P. Op. cit. P. 156.

²⁸ Braudel P. Op. cit. P. 238.

²⁹ Daix P. Op. cit. P. 213.

³⁰ Ibid. P. 164, 168.

ка, или даже те новости из Лондона, о которых мы узнавали с помощью подпольного радио. Долой событие, особенно тягостное! Мне необходимо было верить, что история, что судьбы человечества свершаются на значительно более глубоком уровне. Выбрать в качестве отправного пункта для наблюдений долговременный масштаб – значит оказаться как бы на месте самого Бога-отца и там найти убежище.

В невообразимой дали и от нас, и от наших повседневных бед творилась история, верша свой неторопливый оборот, такой же неторопливый, как та древняя жизнь Средиземноморья, чью неизменность и своего рода величавую неподвижность я столь часто ощущал.

Вот так я и пришел к сознательным поискам наиболее глубинного исторического языка, который я мог постигнуть (или изобрести), – неподвижного времени или, по крайней мере, времени, которое разворачивается очень медленно, имея тенденцию к постоянным повторениям»³¹.

В мае 1945 г. Бродель был освобожден из плена англичанами и вернулся в Париж с книгой, уже «написанной почти от начала до конца».³² Ему шел 43 год, он находился в полном расцвете творческих сил, но в глазах окружающих все еще оставался малоизвестным автором нескольких статей и рецензий.

В Париже его встретил и гостеприимно принял в своем доме Февр, который после смерти Марка Блока, расстрелянного немецкими оккупантами, единолично возглавил журнал «Анналы», переименовав его из «Анналов экономической и социальной истории» просто в «Анналы» с подзаголовком: «Экономики. Общества. Цивилизации». Изменение названия, в котором уже не было слова «история», отражало почти безграничное расширение тематики журнала, стремление его руководителей к междисциплинарным исследованиям, к созданию всеобъемлющей, «тотальной» или «глобальной» истории, «чьи пределы расширятся настолько, что охватят все науки о человеке, всю их совокупность и универсальность».³³ Считая Броделя своим единомышленником и научным наследником, Февр ввел его в состав редколлегии новых «Анналов» и сделал своим главным помощником по руководству журналом.

Бродель возобновил преподавание в Практической школе высших исследований и получил приглашение прочесть курс лекций по истории Латинской Америки в Сорбонне, куда он давно стремился. Студенты им восхищались; «я имел не просто колоссальный, но суперколоссальный успех»³⁴, – вспоминал Бродель, но именно это и насторожило некоторых его коллег, в первую очередь, декана гуманитарного факультета Сорбон-

³¹ Бродель Ф. Свидетельство историка. С. 178–179.

³² Braudel P. Op. cit. P. 242.

³³ Бродель Ф. Свидетельство историка. С. 181.

³⁴ Daix P. Op. cit. P. 223–224.

ны, известного историка Пьера Ренувена, который сам пригласил Броделя, но вскоре обнаружил, что новая восходящая звезда сияет слишком ярко. К тому же Бродель был тесно связан с Февром и с «Анналами», а Ренуven, специалист по истории первой мировой войны и международных отношений, был самым видным представителем «позитивистской», «событийной» историографии. В результате Броделю дали понять, что у него нет никаких шансов получить звание профессора и возглавить вакантную кафедру новой истории в Сорбонне, на которую претендовал ученик Ренувена профессор Зеллер. Бродель даже не стал выставлять свою кандидатуру и вскоре ушел из Сорбонны.

Все это время он усиленно работал над завершением своей диссертации, обогащая ее огромным количеством сохранившихся с довоенного времени выписок из архивных документов. В мае 1946 г. она была представлена на защиту в Сорбонну под новым заглавием: «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». Измененное по сравнению с 1928 г. заглавие показывало, что в центре исследования теперь находится не король, а несравненно более значительный исторический персонаж – мир Средиземноморья. 1 марта 1947 года, через 19 лет после утверждения темы диссертации, состоялась ее защита. Все пять членов Ученого Совета, включая профессора Зеллера, соперника Броделя в борьбе за кафедру, высказались за присуждение Броделю долгожданной степени доктора гуманитарных наук.³⁵

Изданная в 1949 г. за счет автора в двух томах общим объемом 1160 страниц, тиражом 2500 экземпляров, она принесла известность Броделю. Февр опубликовал в главном французском историческом журнале «Ревю историк» восторженную рецензию на эту книгу.³⁶ Он восхищался «совершенством труда, созданного рукою труженика, изобилием и качеством использованных им материалов, богатством не знающего промахов воображения»; доказывал, что «это книга глубокая и основательная, она принадлежит к числу тех, что становятся «настолевыми» на многие годы... Эта книга – революция в подходе к истории. Это переворот в наших старых привычках. «Историческая мутация» основополагающего значения...»³⁷

Действительно, новаторская по содержанию, насыщенная свежим фактическим материалом из архивов разных стран, блестяще написанная, книга Броделя принадлежала к числу таких трудов, которые определяют направление работ целого поколения историков. По удачному определению профессора Ю. Н. Афанасьева, она стала важнейшим этапом в утвержде-

---

³⁵ В качестве дополнительной диссертации была принята довоенная работа Броделя «Испанцы и Северная Африка с 1492 по 1577 год».

³⁶ *Revue historique*. 1950. Avril-juin. P. 216–224. (Русск. пер.: *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 176–186).

³⁷ *Февр Л.* Бои за историю. С. 176–177, 186.

нии «нового структурного типа исторической рефлексии»³⁸, при котором в центре внимания историка находятся не преходящие «события», а длительно существующие «структуры» экономики, общества, умственной жизни и других сторон человеческого существования. В «Средиземноморье» Бродель предпринял первую удачную попытку создать обобщающую, «тотальную» или «глобальную» (в смысле всестороннего, глобального подхода к проблеме) историю целого крупного региона на большом протяжении времени.

По его собственным словам, в первой части книги, озаглавленной «Влияние среды», рассматривалась «почти неподвижная история», то есть история взаимоотношений человека с окружающей его средой; во второй части под названием «Коллективные судьбы и общее движение» – «история медленных изменений», или «структурная история», то есть развитие экономики, общества, государства и цивилизации; наконец, в третьей части, названной «События, политика и люди», изучалась быстротекущая «обытийная история»³⁹.

Общее направление своего исследования, объединявшего историю и географию, Бродель определил введенным им термином «геоистория». Согласно его концепции, степи и горы, возвышенности и низменности, моря, леса, реки и другие географические структуры определяют рамки деятельности человека, пути сообщения, а, следовательно, и торговли; местоположение и рост городов. На их основе возникают медленно изменяющиеся экономические и социальные структуры: общество, государство, цивилизация. Они служат фундаментом для сравнительно быстро меняющихся, «конъюнктурных» политических событий, сравнимых по своей протяженности с временем человеческой жизни.

Основной особенностью методологического подхода Броделя было противопоставление прочных, устойчивых «структур» меняющимся «конъюнктурам» и еще более эфемерным «событиям», представляющим, по общему выражению Броделя, лишь «поверхностное волнение» океана истории, «пыль мелких фактов»⁴⁰, мало интересных для историка.

Другой важнейшей методологической идеей, впервые высказанной Броделем в «Средиземноморье», была мысль о разных «скоростях» исторического времени. Бродель различал время «большой длительности» (*la longue durée*), то есть время существования наиболее прочных «структур» и длительных процессов общественного развития, и «короткое время» (*le temps bref*) – время быстро протекающих событий или индивидуальной жизни человека. По мнению Броделя, для историка важнее всего процессы

³⁸ Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. С. 242.

³⁹ Braudel F. *La Méditerranée et le Monde méditerranéen a l'époque de Philippe II*. P., 1949. P. XIII.

⁴⁰ Ibid. P. 296.

«большой длительности», ибо они определяют развитие человечества. В рамках «короткого времени» историку почти нечего делать. Как написал позднее Бродель, это, «по преимуществу, время хроникера, журналиста»⁴¹.

Концепция Броделя, впервые в развернутой форме изложенная в «Средиземноморье», вызвала большие споры. Сразу бросалась в глаза ее односторонность, пренебрежение «коротким временем» и «событиями», к которым относятся и такие крупные «события», как революции и войны, несомненно, существенно влияющие на ход истории. Претензии на «тотальную» или «глобальную», всеохватывающую, всестороннюю историю казались непосильными для одного историка. Но концепция Броделя углубляла общее понимание исторического процесса, противостояла заскорузлой «позитивистской» историографии; отвечала общему стремлению к обновлению, охватившему французское общество после освобождения от немецко-фашистских оккупантов.

Защита диссертации и публикация «Средиземноморья» открыли Броделю путь к высшим научным и административным должностям. Поскольку Сорбонна упорно отвергала противников «позитивизма», Февр, Бродель, профессор Шарль Моразе и их единомышленники решили организовать самостоятельный центр междисциплинарных исследований в рамках Практической школы высших исследований, где уже работал Бродель. Заручившись поддержкой Министерства высшего образования и получив субсидию в 30 тыс. долларов от американского фонда Рокфеллера, созданного для поддержки «социальных наук»⁴², они в 1947 г. основали новую, шестую по счету, секцию Практической школы высших исследований – секцию экономических и социальных наук, – которая вскоре стала ведущим центром социально-исторических исследований и приобрела мировую известность.

Председателем секции был Февр, а секретарем, который вел всю практическую организационную работу, – Бродель. В руководство секцией вошли также Моразе, специалист по истории экономики, и давний знакомый Февра и Броделя заведующий кафедрой экономической и социальной истории в Сорбонне Эрнест Лабрусс, прославившийся еще до войны своими трудами о движении цен и доходов во Франции XVIII в.

При содействии Февра, Бродель в 1949 г. был избран профессором в «Коллеж де Франс» – чрезвычайно престижное учебно-научное учреждение, которое с XVI в. соперничало с Сорбонной, славилось высоким уровнем преподавания, но не имело права выдавать дипломы и присуждать

---

⁴¹ Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée // Ecrits sur l'histoire. P., 1969. P. 48.

⁴² Daix P. Op. cit. P. 252–253.

ученые степени. С 1949 по 1956 гг. Бродель возглавлял Совет по присуждению звания «агреже» и мог влиять на подготовку кадров историков.

На следующий год Февр, уходя по возрасту с поста заведующего кафедрой современной цивилизации в «Коллеж де Франс», настоял, чтобы его преемником был избран Бродель. В результате Бродель стал участвовать в подготовке квалифицированных историков, в руководстве журналом «Анналы» и еще двумя крупными научными центрами – Шестой секцией Практической школы высших исследований и кафедрой в «Коллеж де Франс».

Был разгар «холодной войны», и Бродель подвергался нападкам с разных сторон. Некоторые особо ретивые коммунисты считали, что Бродель, не уделявший большого внимания революциям и классовой борьбе, заслуживает осуждения как антимарксист, отступающий от сталинского «Краткого курса», и даже «атлантист», то есть защитник американского империализма. Издаваемый компартией журнал «Nouvelle critique» утверждал, что поиски Броделем устойчивых исторических структур на протяжении периодов большой длительности «плохо скрывают страх перед пролетарской революцией», «подменяют борьбу классов конфликтами цивилизаций» и, в конечном итоге, «оправдывают Атлантический пакт»⁴³, а руководимые Февром и Броделем «Анналы» «снабжают аргументами всех тех, кто хочет затормозить борьбу человечества за мир и его движение к прогрессу»⁴⁴.

С другой стороны, правые во Франции и в США подозревали Броделя в симпатиях к коммунизму, потому что он нередко с большим уважением ссылаясь на Маркса, называл его создателем «самого мощного социального анализа прошлого века»⁴⁵ и принимал на работу в Шестую секцию специалистов самых разных политических убеждений, не исключая коммунистов. Во время поездки Броделя в США в 1955 г. представители Фонда Рокфеллера допытывались у него, почему он берет на работу коммунистов, и Броделю приходилось оправдываться⁴⁶.

В 1956 г. умер Февр, и Бродель унаследовал его должность главного редактора «Анналов» и руководителя Шестой секции Практической школы высших исследований. На этих постах особенно ярко проявились его выдающиеся организаторские способности, властный характер, умение находить и привлекать к себе таланты. Бродель оказался не только крупным ученым, но и великолепным организатором науки, а это редкое сочетание. При нем Шестая секция получила новые крупные дотации от правительст-

---

⁴³ *Blot J.* Le révisionisme en histoire ou l'école des «Annales» // *La Nouvelle critique. Revue du marxisme militant.* 1951. Novembre. № 30. P. 56.

⁴⁴ *Ibid.* P. 60.

⁴⁵ *Braudel F.* *Ecrits sur l'histoire.* P. 81.

⁴⁶ *Daix P.* *Op. cit.* P. 295.

ва и американских меценатов. Число ее сотрудников выросло в 3 раза; количество читаемых по разным специальностям курсов увеличилось вдвое, была создана служба издания и распространения научных трудов. В Шестую секцию пришли будущие светила науки: основатель структурной антропологии Клод Леви-Стросс, один из основоположников структурной лингвистики Ролан Барт, специалист в области психоанализа Жак Лакан и многие другие, тогда еще молодые, талантливые ученые.

По инициативе Броделя сотрудники Шестой секции стали проводить крупные международные конференции и организовывать обширные комплексные междисциплинарные исследования, нередко с применением новых тогда математических методов, особенно при обработке массовых источников. Так, они провели обследование профессий, социального и материального положения 150 тысяч французских «нотаблей» начала XIX в.; исследовали здоровье, возраст, географическую и социальную принадлежность солдат французской революции⁴⁷; состояние заброшенных французских деревень.

В 60-е годы ученики и последователи Броделя опубликовали серию блестящих исторических работ, среди которых особенно выделялись труды П. Губера о городе Бовэ и его обитателях в средние века, П. Вилара по истории Каталонии, Ж. Дюби о французском средневековом обществе, Р. Мандру о менталитете средневековья, Э. Ле Руа Лядюри о крестьянах Лангедока, огромное 12-томное историко-статистическое исследование П. Шоню о морской торговле между Испанией и Латинской Америкой в XVI в. В общей сложности под эгидой Шестой секции в 1948–1971 гг. было опубликовано 164 монографии по истории⁴⁸, не считая множества статей. В среднем каждый год появлялось 6–8 монографий. Почти все они были написаны в духе проповедовавшейся Броделем «структурной» истории: освещали, по преимуществу, не события, а устойчивые общественные структуры и долговременные процессы исторического развития; в них почти не затрагивалась политическая и военная история, но зато уделялось очень большое внимание демографии, экономике, социальным отношениям, истории питания, жилищ, техники, позднее – менталитету. В отличие от историков-позитивистов, их авторы стремились обогатить свои исследования достижениями смежных наук о человеке, которые тогда переживали период бурного подъема, – демографии, исторической антропологии, структурной лингвистики, коллективной психологии, социологии, широко применяли математические и статистические методы.

---

⁴⁷ Hexter J. H. Fernand Braudel and the monde Braudellien // The Journal of Modern history. 1972. № 4. December. P. 489, 491–492.

⁴⁸ Ibid. Op. cit. P. 488.

Даже языком и стилем они стремились отличаться от ненавистных им «позитивистов»: смело обновляли лексику, вводили новые понятия, давали своим книгам необычные броские названия; писали довольно сложным языком, но – в своих лучших образцах – ярко и доступно для массового читателя. В обстановке общего «структуралистского наступления»⁴⁹ 60-х годов их работы оказались в центре общественного внимания. Историки, в том числе и Бродель, стали желанными гостями на телевидении и в других средствах массовой информации. Тиражи их трудов быстро росли, предвещая еще более бурный рост в 70-е годы. «Структурная история» стала модой, господствующим направлением во французской историографии и одним из главных направлений мировой исторической науки. Руководимые Броделем «Анналы» второго (после Блока и Февра) поколения превратились в самый авторитетный, всемирно известный исторический журнал, освещавший, главным образом, процессы большой длительности на стыке истории и других «наук о человеке». По выражению одного из руководителей современных «Анналов», «журнал стал своего рода фирменным знаком французской исторической науки».⁵⁰

Сам Бродель приобрел огромный научный авторитет. Вместе с Ренувеном и Лабруссом он, фактически, возглавил французскую историческую науку. Три этих выдающихся историка играли решающую роль в распределении государственных кредитов на науку и высшее образование, определяли основные направления научных исследований, руководили подготовкой кадров.

Научная деятельность Броделя развивалась в это время в двух главных направлениях. Во-первых, он в очередной раз переработал «Средиземноморье», обогатил его материалами новых исследований, снабдил картами, схемами, иллюстрациями; во-вторых, приступил к осуществлению еще более грандиозного замысла, подсказанного ему Февром еще в 1950 г.⁵¹, – исследованию материальных условий жизни и развития экономики всего мира на протяжении 400 лет с XV по XVIII в. Казалось, такая колоссальная задача превосходит силы одного человека и требует, по крайней мере, работы целого научного института, но Бродель справился с ней в одиночку.

В 1966 г. вышло в свет и разошлось еще невиданными для научной книги тиражами (в общей сложности 70 тыс. экземпляров) второе издание «Средиземноморья». В последующие годы его перевели на итальянский, испанский, английский, венгерский, польский, португальский, сербохорватский, греческий, немецкий, голландский, китайский и корейский языки. В 1967 г. появился первый том нового капитального труда Броделя «Мате-

---

⁴⁹ Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // НиНИ. 1998. № 6. С. 65.

⁵⁰ Там же. № 5, с. 78.

⁵¹ См.: Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 9.

риальная цивилизация и капитализм», первоначально в общедоступном издании, без научного аппарата⁵².

Стремясь к расширению международного сотрудничества ученых, Бродель основал новый центр междисциплинарных гуманитарных исследований – Дом наук о человеке, одной из задач которого было проведение международных конференций и приглашение во Францию иностранных ученых. В начале 60-х годов в центре Парижа, на бульваре Распай, на месте прежней тюрьмы Шерш-Миди было построено большое здание современной архитектуры из стекла, стали и бетона, куда переехали основные службы Шестой секции и разместились другие научные организации.

Бродель возглавил этот, известный теперь всем франковедам, большой научный комплекс, включающий в себя кабинеты ученых, оснащенные современными средствами связи и множительной техникой, библиотеки, залы для заседаний, хозяйственно-административные службы, отлично оборудованный дом для приезжающих в Париж иностранных ученых и многое другое.

Бродель находился на вершине своей научно-административной карьеры, когда весной 1968 г. во Франции начались волнения студентов, быстро переросшие в общенациональную стачку и политические демонстрации огромного масштаба. Бунтующие студенты подвергали беспощадной критике «буржуазный университет» и «буржуазное общество», призывали «всему говорить нет», вступали в стычки с полицией, строили баррикады, отвергали власть профессоров и требовали заменить ее «студенческой властью», срывали лекции, отказывались сдавать экзамены, в которых они усматривали средство социальной дискриминации.

Бродель, совершавший тогда поездку по США, решил немедленно вернуться и встретиться с бастующими студентами. Эта встреча оказалась для него неудачной. Впервые в своей жизни Бродель не смог овладеть аудиторией; студенты не давали ему говорить. К своему большому и неприятному удивлению, Бродель обнаружил, что молодежь считает его – как и всю профессуру – оплотом той самой устаревшей системы образования, которую он критиковал всю жизнь.

Бурные события мая-июня 1968 г. привели к роспуску парламента, внеочередным выборам и отставке первого президента Пятой республики генерала де Голля. Большие перемены произошли и в системе университетского образования, существовавшей в почти неизменном виде со времен Наполеона I. Сорбонну разделили на 13 парижских университетов; количество кафедр увеличилось во много раз; профессорские должности заняли сравнительно молодые честолюбивые люди, которые стремились утвердиться в науке и не питали никакого почтения к прежним авторитетам.

---

⁵² Braudel F. *Civilisation matérielle et le capitalisme. XVe–XVIIIe siècle*. P., 1967.

«Структурная история» казалась им устаревшей; они именовали себя «постструктуралистами», а позднее – постмодернистами. По свидетельству преемника Броделя на посту администратора Дома наук о человеке профессора Мориса Эмара, молодые историки говорили, что Бродель «стал своего рода «бывшим» ученым, что он не смог ни понять что-либо в движении 1968 г., ни принять новые, менее авторитарные правила пользования академической властью, установленные студенческой «революцией». Некоторые из них великодушно добавляли, что он неспособен завершить «Материальную цивилизацию и капитализм»⁵³. Даже ученики Броделя из третьего поколения школы «Анналов» начали отходить от изучения проблем большой длительности и обращаться к изучению «событий», переходить от социально-экономической истории к истории менталитета.

В таких условиях Бродель не захотел руководить ни «Анналами», ни Шестой секцией. В 1969 г. он передал руководство журналом тройке «молодых директоров» из третьего поколения школы «Анналов» – Жаку Ле Гоффу, Эмманюэлю Ле Руа Лядюри и Марку Ферро. Как говорил Бродель, «с этого момента я перестал заниматься «Анналами». Они стали мне чуждыми»⁵⁴. В 1972 г., достигнув 70 лет, Бродель оставил руководство Шестой секцией и кафедрой современной цивилизации в «Коллеж де Франс», сохранив только пост администратора Дома наук о человеке. Директором Шестой секции, которая в 1975 г. вошла в состав университетских учреждений под названием «Школа высших исследований по социальным наукам», стал Ле Гофф.

Освободившись от основной части организационно-административной работы, Бродель вновь обратился к работе над «Материальной цивилизацией и капитализмом». В 1979 г., через 12 лет после первого тома, появились второй и третий тома. Первый том был оснащен научным аппаратом, переиздан; и все трехтомное издание увидело свет под несколько измененным заглавием: «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв»⁵⁵.

Главную задачу этого труда Бродель видел в том, чтобы «очертить поле действия доиндустриальных экономик и охватить его во всей объемности»⁵⁶. В центре его внимания находились три главных пласта жизни общества: повседневная «материальная жизнь», рыночная экономика и «ка-

---

⁵³ *Aymard M. One Braudel or Several? // Review Fernand Braudel Center. 2001. № 1. P. 15.*

⁵⁴ *Les 80 ans du "pape" des historiens. Entretien avec Fernand Braudel // L'Histoire. 1982. Septembre. № 48. P. 75–76.*

⁵⁵ *Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. XV–XVIIIe siècle. 3 vol. P., 1979 (Рус. пер.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII в. Т. 1–3. М., 1986–1992).*

⁵⁶ *Braudel F. Civilisation matérielle et le capitalisme. P., 1967. P. 12.*

питализм» (точнее, торговый и финансовый капитал). В первом томе, названном «Структуры повседневности», Бродель изучал сферу повседневной жизни людей, включая динамику населения различных регионов мира, системы питания, одежду, жилища, технику, транспорт, денежное обращение, роль городов, противоречия между богатыми и бедными. Во втором томе – «Игры обмена» – Бродель поставил перед собой задачу исследовать « всю совокупность механизмов обмена, начиная с простейшей меновой торговли и вплоть до самого сложного капитализма »⁵⁷, в том числе орудия обмена, роль купечества и банков, торговлю на дальние расстояния, образование мирового рынка. В особой главе «Общество или множество множеств» в общей форме рассматривались «социальные иерархии», роль государства, взаимоотношения различных цивилизаций и, очень кратко, «революции и классовые бои».

В третьем томе – «Время мира» – вся мировая экономическая история была представлена в хронологическом порядке на протяжении четырех столетий как взаимодействие трех главных «экономических миров» – Евроатлантического, Уралоазиатского и Дальневосточного⁵⁸.

Написанный на основе гигантского количества архивных материалов и обобщения множества работ историков и экономистов на 6 языках, новый труд Броделя стал крупным событием в мировой науке. Он внес большой вклад в изучение материальной культуры, экономики и социальных отношений средневекового общества, хотя, как и предшествующие работы Броделя, уделял мало внимания политическим, дипломатическим и военным событиям.

Работая над «Материальной цивилизацией, экономикой и капитализмом», Бродель не оставлял и других проектов, в том числе руководил вместе с Лабруссом изданием капитальной коллективной 8-томной «Экономической и социальной истории Франции» с 1450 г. до современности, в которой он написал значительную часть первого тома и общее заключение (вместе с Э. Лабруссом и Ж. Бувье)⁵⁹.

Завершив это издание в возрасте 80 лет, Бродель немедленно приступил к новой большой работе, где он постарался применить разработанные им в «Материальной цивилизации, экономике и капитализме» подходы к истории одной страны – его родной Франции. Он намеревался написать 4 больших книги, охватывающие географические условия, экономическое развитие, государство, общество, культуру и международную роль Франции, но успел завершить только две из них, которые вышли уже после его смерти.

---

⁵⁷ Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme*. Т. 2. Р. 7.

⁵⁸ Ibid. Т. 3. Р. 8.

⁵⁹ *Histoire économique et sociale de la France / Dirigé par F. Braudel et E. Labrousse*. Vol. 1–8. P., 1970–1982.

В первой исследовались «пространство и история», во второй (в двух частях) – «люди и вещи»⁶⁰. Природа Франции, ее меняющиеся границы, леса, горы, реки, города и деревни; население, его пища, жилье и одежда, развитие экономики, которая вплоть до XX в. оставалась «крестьянской экономикой»⁶¹, – все это соединилось под пером Броделя в сложный и многоцветный образ Франции, проникнутый глубокой любовью автора к своей стране.

Новые работы Броделя имели большой коммерческий успех⁶² и еще более увеличили его научный авторитет. К концу жизни его называли «папой» французских историков, а менее чем за год до смерти, в 1984 г., увенчали званием академика.

Бродель сохранил свою удивительную работоспособность, ясный и язвительный ум, склонность к иронии, интерес к людям и к науке. За пять недель до кончины он еще выступал на научном коллоквиуме. Смерть настигла его в ночь с 27 на 28 ноября 1985 г. в загородном доме в Савоие, в местечке Сен-Жервэ-ле-Бэн, во время работы над очередной рукописью.

В зарубежных работах о Броделе почти ничего не пишут о его контактах с советскими историками, а они были прочными и длительными.

В 1958 г. Бродель впервые приехал в Советский Союз, посетил Москву и Ленинград, выступал в Институте истории АН СССР и на историческом факультете Московского государственного университета с докладом «Современное состояние исторической науки во Франции».

Присутствовавшая на его выступлениях профессор Е. В. Гутнова свидетельствует, что Бродель произвел на слушателей «чарующее впечатление как своей внешностью, так и своими научными идеями. Ему было тогда, наверное, лет пятьдесят (на самом деле 56 – В.С.). Он был подвижен, строен и по-своему очень красив. Его густая седая шевелюра контрастировала с горячими, сверкающими темно-синими глазами, затмевавшими все на его лице. Доклады Броделя, очень интересные и совершенно необычные для нас, ставили столько новых интересных вопросов, блистали таким остроумием, что не поддаться его обаянию было трудно».⁶³

В 1966 г. Бродель сделал в Институте истории еще один доклад «Развитие французской исторической мысли (Люсьен Февр и Марк Блок)», а в 1967 году – доклад «Генезис капитализма в XVII–XIX веках».

---

⁶⁰ Braudel F. L'identité de la France. Vol. 1. Espace et histoire; Vol. 2. Les hommes et les choses. P., 1986. Рус. пер.: Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 1. Пространство и история. М., 1994; Кн. 2. Люди и вещи. Т. 1. М., 1995; Кн. 2. Люди и вещи. Т. 2. М., 1997.

⁶¹ Braudel F. L'identité de la France. Vol. 2. P. 12–13.

⁶² Тираж первой книги «Что такое Франция» превысил 230 тыс. экземпляров, тираж второй – 150 тысяч.

⁶³ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 314.

Когда в 1957 г. в Советском Союзе через 26 лет после ее выхода в свет, наконец, перевели книгу М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории» с предисловием А. Д. Люблинской, Бродель приветствовал этот факт, опубликовал предисловие Люблинской в журнале «Анналы», но возражал против употреблявшихся там терминов «буржуазный историк» и «немарксистский историк». Как он подчеркивал, «ни Люсьен Февр, ни Марк Блок, ни я сам, ни многие другие наши коллеги не являются «буржуазными историками» или «немарксистскими историками»⁶⁴.

Возвращаясь к этому вопросу в письме к В. М. Далину от 24 июля 1981 г., Бродель сообщил, что он познакомился с «Капиталом» Маркса где-то около 1925 г. в Алжире, а затем читал Маркса в 30-е годы, и это помогло ему в выборе своего собственного пути. «Несомненно, что на мои концепции, так же как на концепции «Анналов» первого поколения, сильно повлиял марксизм – не в качестве политической доктрины, но как модель исторического, экономического и социального анализа», – писал он Далину, добавляя, что в 50-е годы, и особенно в период работы над «Материальной цивилизацией и капитализмом», он снова не раз возвращался к Марксу, иногда спорил с ним, а иногда соглашался, но, в конце концов, пришел к выводу, что «он устарел, потому что мир постарел на целый век»⁶⁵.

Во время своих поездок в СССР Бродель познакомился и подружился с ведущими советскими франковедами: А.З.Манфредом, Б.Ф.Поршневым, В. М. Далиным, Э. А. Желубовской, М. М. Штранге, председателем Национального комитета советских историков А. А. Губером и другими учеными.

После кончины Манфреда Бродель прислал во «Французский ежегодник» взволнованное послание, где подчеркивал, что в его глазах Манфред «был продолжателем замечательной плеяды русских и советских историков, со страстью и блеском изучавших прошлое нашей страны: Н. Кареева, И. Лучицкого, М. Ковалевского, Е. Тарле, его учителя В. Волгина, его коллеги Б. Поршнева... Все они были чрезвычайно увлеченными историками, чрезвычайно оригинальными». Назвав в качестве особо близких ему историков, наряду с Манфредом, Штранге, Губера, Поршнева, Желубовскую, Далина, Бродель отозвался о них, как о «маленькой, поразительной группе мужчин и женщин в Москве, которую нам привелось узнать и глубоко полюбить»⁶⁶.

Автору этих строк также довелось встречаться с Броделем и почувствовать обаяние его личности. В 1963 г. мне выпала редкостная по тем временам удача – научная командировка во Францию; и Далин, вернувшийся к

---

⁶⁴ Braudel F. Marc Bloc a l'honneur // Annales. E.S.C. 1959. № 1. P. 91.

⁶⁵ Daline V. Hommes et idées. Moscou, 1983. P. 427–428.

⁶⁶ ФЕ. 1976. М., 1978. С. 24–25.

науке после 17 лет тюрем и лагерей, а потому, как тогда говорили, «невыездной», попросил меня передать Броделю письмо, которое он не хотел доверить почте. Бродель принял меня в своем кабинете в Доме наук о человеке и поразил своей приветливостью и простотой. Я был молодым, никому не известным, начинающим историком, а Бродель – всемирно известным ученым, но он разговаривал со мной, как с равным. Я думаю, помимо того, что я явился к нему как вестник от Далина, это объяснялось еще и свойственной Броделю любознательностью; он, видимо, хотел посмотреть на советских историков более молодого поколения, которые, возможно, придут на смену поколению Манфреда, Поршнева и Далина.

Из последующих встреч с Броделем мне особенно запомнился долгий разговор в маленьком, уютном (кажется, мексиканском) ресторанчике, куда Бродель и его жена пригласили меня весной 1975 г. Вернувшись к себе, я кое-что записал, и теперь вижу, что наш разговор вращался, главным образом, вокруг судьбы школы «Анналов», общего состояния французской историографии и французского национального характера. Бродель тогда уже покинул почти все административные посты, болезненно переживал разногласия со своими бывшими учениками и был настроен очень критично. Он язвительно говорил, что подавляющее большинство французских историков (по его оценке – 70%) – посредственности, пережевывающие основы позитивизма в духе Ранке; они пишут на смехотворно узкие темы, по-прежнему не выходят за пределы политической и дипломатической истории. Специалисты по современной истории не хотят поднимать острые вопросы: например, пишут о выборах, но не указывают, кто их финансирует, откуда берутся деньги. Распространенные тогда попытки «математизации» истории Бродель оценил довольно скептически: из своего знакомства с математикой он знает, что компьютер дает тот ответ, который в него заранее заложил программист. Математические методы, конечно, полезны при изучении тех или иных частных проблем, но для общей концепции истории они дают мало.

Отвечая на один из моих вопросов, Бродель сказал, что, разумеется, описание событий, в том числе и событий современности, необходимо, но этого недостаточно; надо идти дальше, искать глубинные силы, которые определяют ход истории. По его мнению, это делают только сторонники «Анналов» (примерно 20% от общего числа историков), а кроме того, историки-марксисты (еще 10%), но в целом во французской историографии по-прежнему преобладает событийная история. Своих учеников из «третьего поколения» школы «Анналов» Бродель критиковал за то, что пока они еще остаются учениками, не идут дальше самого Броделя.

Когда я задал банальный вопрос о научных планах, Бродель, который в это время завершал работу над «Материальной цивилизацией и капитализмом», неожиданно для меня ответил, что хотел бы написать историю

своей родной деревни. Возможно, из этой мысли выросла последняя крупная работа Броделя «Что такое Франция».

При обсуждении проблем национального характера я спросил, верно ли расхожее мнение о скупости французов, которое казалось мне совершенно несправедливым. Бродель, полностью поддержанный его женой, ответил, что буржуазия – и мелкая, и крупная – ужасно скупа, но это не относится ни к интеллигенции, ни к рабочим; впрочем, и среди буржуазии нравы меняются.

Как в этом, так и в последующих разговорах Бродель очень тепло отзывался о Манфреде, Поршневе, Далине, Желубовской (позднее и о А. В. Адо, отмечая его «искрящийся ум»); говорил, что высоко ценит их как прекрасных людей и великолепных знатоков Франции. Характерно, что, когда в одну из встреч я спросил Броделя, что представляет собой «третье поколение» школы «Анналов», он с улыбкой, но, по существу, вполне серьезно ответил: «Надо спросить у Далина». Тогда Бродель был не удовлетворен своим положением; с досадой говорил, что он все еще не избран в Академию и не стал командором Ордена Почетного легиона. Потом эти почести пришли к нему, но лишь незадолго до смерти.

Оглядываясь назад, надо сказать, что ведущие советские франковеды высоко ценили Броделя. О нем писала «Историческая энциклопедия»⁶⁷ и «Большая советская энциклопедия»⁶⁸; его концепцию не раз разбирали (и, разумеется, критиковали с марксистско-ленинской точки зрения), но его труды долго оставались неизвестными российскому читателю. При жизни Броделя в СССР была переведена (в сокращенном виде) только одна его научная статья, правда, самая знаменитая – о проблеме большой длительности⁶⁹. Это произошло в 1977 г. – через 19 лет после ее выхода в свет. Кроме того, «Французский ежегодник» опубликовал послание Броделя по случаю смерти Манфреда (1978) и его «Свидетельство историка» (1984). «Средиземноморье» до сих пор так и не переведено на русский язык; «Материальную цивилизацию, экономику и капитализм» перевели – и отлично издали – только в 1986–1992 гг. Ее краткое изложение, сделанное самим Броделем в 1976 г., вышло с 17-летним опозданием в 1993 г. в Смоленске. Книга «Что такое Франция?» появилась в русском переводе в 1994–1997 гг. – через 10 лет после ее выхода в свет.

Все остальные работы Броделя, в том числе два сборника его выступлений по теоретическим и методологическим проблемам исторической науки⁷⁰, остаются неизвестными русскому читателю.

⁶⁷ Историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 747–748.

⁶⁸ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 4. М., 1971.

⁶⁹ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И. С. Кона. М., 1977. С. 115–142.

⁷⁰ Braudel F. *Ecrits sur l'histoire*. 2 vol. P., 1969–1990.

Бродель был почетным доктором 18 зарубежных университетов, но среди них нет ни одного советского или российского. Даже его кончина не была отмечена некрологом в советской исторической периодике – ни во «Французском ежегоднике», ни в журнале «Новая и новейшая история».

Прошло 17 лет после смерти Броделя; мир изменился, и облик французской и мировой историографии тоже изменился. По существу, оставлены планы создания всеобъемлющей «глобальной» истории, охватывающей большие промежутки времени. Французская историческая наука раздробилась на многие направления и области исследования. Экономическая и социальная история уступили первенство исследованиям менталитета и культуры.

Произошла «реабилитация» исторических событий; вновь возродился интерес к презираемой во времена Броделя политической и военной истории. Значительное место заняла «микроистория» – исследование отдельных исторических «казусов» и индивидуальных судеб людей, их психологии и поведения, в том числе ненормального, «отклоняющегося» поведения. Широко распространенные сейчас идеи «постмодернизма» далеки от основных идей Броделя. Некоторые авторы даже утверждают, что в исторической науке наметилась «тенденция к «деброделизации», отказ от основных положений концепции Броделя, «обратное движение к позитивизму»⁷¹. Напротив, последователи Броделя доказывают, что надо «вдохновляться его идеями, чтобы выработать гипотезы и проверять их на материале других периодов и других стран»⁷².

Как бы то ни было, идеи Броделя вновь и вновь обсуждаются современными историками. Он остается «одним из самых значительных историков XX века»⁷³, а его лучшие труды входят в золотой фонд исторической науки.

---

⁷¹ Daix P. Op. cit. P. 546, 549.

⁷² Aymard M. De la Méditerranée a l'Asie // Annales. Histoire. Sciences sociales. 2000. № 1. P. 43.

⁷³ The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 2. L., 1988.